

ГЕНЕЗИС ФОРМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Работа представлена кафедрой теории права и гражданско-правового образования.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. Ю. Сморгунова*

Анализ начальных стадий становления формы государства в России носит не только историко-теоретический характер, но и представляется практически полезным. В современной исторической и юридической литературе вопрос о форме Российского государства на ранних стадиях его развития окончательно не решен, так как исследователи часто придерживаются диаметрально противоположных точек зрения на этот процесс. В представленной работе предпринята попытка применения к анализу формы государства антропологического метода исследования.

The analysis of the initial stages of the state form development in Russia is not only of historical and theoretic interest but also can be practically useful. The issue of the Russian state form during the first period of its development has not been definitively settled in the modern Russian historical and juridical literature because of the contradictions in views concerning this process. The author of the article attempted to apply the anthropological research method to the analysis of the state form.

По общепринятым в отечественной исторической науке мнениям, формирование государства у восточных славян начинается в IX в. под влиянием ряда внешних факторов. К таковым можно отнести необходимость единения отдельных племен в борьбе с хазарским каганатом и централизаторскую деятельность варяжских конунгов на территории Северной Руси. Внутренними же факторами ускорения политогенеза представляются рост городских поселений и активная торговля между ними, осуществляемая как раз посредством варяжских дружин, включавших в себя не только воинов, но и купцов. По мысли В. О. Ключевского, «осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т. е. конвоировать русские торговые караваны»¹. Вопрос о реальном воздействии скандинавских воинов и торговцев на отечественную государственность, на наш взгляд, несколько столетий носил сугубо

идеологический характер. Приверженцы «норманнской теории» в большинстве своем были либо представителями «германского мира», либо активными поборниками монархического начала (Н. М. Карамзин), а «антинорманисты» оказывались «почвенниками» (И. Д. Беляев) или, позднее, официальными историками советской эпохи (М. Н. Покровский). В настоящее время целесообразно подойти к этой проблематике с позиций социальной антропологии, позволяющей более взвешенно анализировать исторические события. Внешнее воздействие на процесс становления государственности существовало в различных регионах мира (Индия, Древняя Греция, Древний Китай), и в нем нет ничего необычного. На Руси варяжские дружины также выступили в качестве консолидирующей силы, однако изначально формирование сложных политических систем происходило в результате образования городов-государств, объединявших вокруг себя сельские общины. Таким образом, «появление городских центров было ключевым фактором укрепления новых территориальных общностей, основанных не на племенном, а на хозяйственно-политическом един-

стве – городских областей. Они играли важнейшую роль в сплочении территориальных союзов племен, в формировании протогосударственных (предгосударственных, прагосударственных) институтов»². Городские центры постепенно брали на себя функции координации и управления подчиненной территорией. Не последнюю роль в этом процессе играют обменные связи, сплачивающие отдельные племена и родовые группы в единое территориальное сообщество. Древнерусский город, по мнению ряда исследователей, появляется «на позднем этапе родо-племенного строя, когда образуются крупные племенные и межплеменные объединения, называемые в летописи полянами, древлянами, северянами, словенами, кривичами, полочанами и пр. Возникновение племенных союзов неизбежно предполагало организацию центров, обеспечивающих их существование. Ими и были города. В них пребывали племенные власти: вожди (князья), старейшины (старцы градские). Там собиралось вече – верховный орган племенного союза. Здесь же формировалось общее войско, если в этом возникала потребность. В городах были сосредоточены религиозные святыни объединившихся племен...»³.

Таким образом, перед нами – типичное вожжество, эволюционирующее от племенного сообщества к территориальному раннему государству. Варяжский же элемент, как уже было указано, брал на себя посреднические и охранные функции, а также в конце IX в. дал Руси единую правящую династию, «скандинавские» черты которой исчезли уже через 2–3 поколения в результате славянизации (правящий слой не образовывал замкнутую касту и достаточно быстро растворялся в местной культуре).

За варяжскими князьями и их дружинами достаточно долго сохранялись функции внешней защиты страны и управления ее отдельными частями. На стадии «вождества» реальные централизаторские устремления князей не могли идти дальше установления собственного контроля над цент-

рами транзитной торговли и ремесла (Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк). Сельские общины (верви) и города в своей повседневной жизни руководствовались обычаями и не испытывали сильного давления со стороны княжеской администрации. Потестарная власть прежде всего основывалась на таком общераспространенном явлении, как полюдье. Его следует понимать предельно широко. Это – целый комплекс общественных отношений, включающий в себя экономические, политические, судебные, религиозные и другие функции. По мнению Ю. М. Кобищанова, «экономическое содержание полюдья заключается в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно регулярное, фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта у организованных общин мелких производителей при личном участии главных государств»⁴. В принципе, древнерусская государственность долго пребывала на достаточно поверхностном уровне развития. Власть охватывала все новые территории, однако не стремилась контролировать частную жизнь людей, да и не могла фактически этого добиться в силу отсутствия разветвленного управленческого аппарата. Политическое развитие Руси и Западной Европы до определенного момента осуществлялось по сходному сценарию (длительный период ранней государственности, господство обычного права, дополненное отдельными актами верховной власти). С этих позиций можно говорить о том, что Киевская Русь – европейское государство и динамика ее культуры совпадает в общих чертах с Западом (учитывая, конечно, разницу во времени: варварские королевства образуются в V–VI вв., а Русь – в IX в.).

Тогда прав оказывается Д. С. Лихачев, считающий, что «обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатс-

ких кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном – военно-дружинное устройство»⁵. «Европейский путь» Киевской Руси подвергать сомнению бессмысленно, нужно только учитывать географическую обстановку (огромные открытые пространства, легко преодолеваемые кочевниками). Кроме того, следует достаточно ясно представлять себе и тот факт, что в отличие от Запада, получившего в наследство античные достижения в сферах управления, права и философской мысли, Русь заимствовала из Византии прежде всего церковную литературу и обрядовость, а не собственно политическую систему и правовые принципы. Византия X–XII вв. уже утратила поступательность развития и все усилия направляла на сохранение единства страны. Единство же могло быть обеспечено в тех условиях только в результате расширения действия принципа «симфонии» властей. По мнению И. П. Медведева, «все большее слияние двух самостоятельных властей в Византии – гражданской и церковной – отразилось и в праве данного времени, в юриспруденции как таковой, в активизации деятельности византийских юристов по составлению юридических сборников, в которых вперемежку представлены (в эксерптах или полностью) памятники гражданского и церковного законодательства»⁶.

Отметим еще одну характерную деталь: государственность Запада во многом основывалась на договорных началах. Западное Средневековье пронизано множеством разноуровневых договоров. Даже взаимоотношения с Богом могли получить договорную форму. Этот факт отмечают многие современные ученые. Например, Ю. М. Лотман считает: «В рыцарском быту Запада, где отношения с Богом и святыми могут моделироваться по системе «сюзерен – вассал» и подчиняться условному ритуалу типа посвящения в рыцари и служения Даме, договор, скрепляющий его ритуал, жест,

пергамент и печати осеняются ореолом святости и получают высший ценностный авторитет. На Руси договор воспринимается как дело чисто человеческое, в значении: «человеческое» как противоположное «божественному». Введение крестного целования в тех случаях, когда необходимо скрепить договор, свидетельствует именно о том, что без безусловного и внедоговорного божественного авторитета он недостаточно гарантирован»⁷.

Соответственно, степень традиционализма была гораздо выше, чем в странах Запада, государственность которых изначально питалась наследием античности. Слабость центральной власти в Киевской Руси объективно вела к самостоятельности сельских и городских общин. Этот аспект жизни древнерусского общества отражен в летописях, а также отмечен многими современными авторами. На особую роль общинного начала, несомненно, оказала воздействие огромная территория государства и «родовое» владение им наследниками Рюрика. В среде правящей династии так и не сложилась четкая система перехода власти от одного великого княжества к другому. Прибавив к этому отсутствие централизованной бюрократии, получим достаточно аморфное политическое образование. По сути, «Рюриковичи приходили в русские города со своими родственниками и дружиной, а не с феодалами в западном смысле слова. Не имея возможности свободно распоряжаться русскими землями, варяжские князья не могли привязать к себе своих дружинников экономически, раздавая им землю в собственность. Если на Западе наличие такой возможности у королей привело к раннему формированию иерархии собственности и вассальной зависимости феодалов от своих сеньоров, составивших основу феодальных отношений в европейских странах, то дружина киевского князя не была связана с ним отношениями вассалитета. Отношения князя и дружины изначально строились на добровольных началах, основу которых со-

ставлял принцип личной преданности и товарищества»⁸.

В принципе, киевские князья выступали прежде всего в качестве военных предводителей, и чем удачливей был тот или иной из них, тем большее количество соратников он мог собрать вокруг себя. Дружина в целом выступала управляющим центром. Из ее числа назначались наместники в города и администраторы в сельские общины. Кроме того, именно дружина оказывалась тем инструментом, с помощью которого князь мог осуществлять свои функции. На всем протяжении домонгольского периода истории Руси можно наблюдать существенные противоречия между князьями и городами. Ряд городов сумел добиться автономности от княжеской администрации (Новгород, Псков), а в других (Смоленск, Киев, Галич) время от времени происходили столкновения горожан с князьями, заканчивавшиеся изгнанием или даже гибелью последних. Поэтому объективно «в период перехода от «военной демократии» и становления древнерусской государственности князь в своих действиях (прежде

всего военно-полицейского и дипломатического характера) постоянно ориентировался на дружину, и если прямо не выполнял ее предписаний, то в той или иной степени все равно был вынужден считаться с ее мнением»⁹.

Кроме всего прочего, большинство городов представляло собой самоуправляющиеся общины (в особенности Юго-Западная Русь), отстаивавшие свою независимость от посягательств княжеской администрации. В целом же древнерусская государственность не дала централизованного политического объединения в силу слабости самой верховной власти. Распад же единого государства в XII в. только способствовал усилению анархии и междоусобиц. Видимо, наблюдая за печальной реальностью, Даниил Заточник дал своим современникам следующий совет: «Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжьего села: ибо тиун его – как огонь, на осине разоженный, а рядовичи его – что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устережешься и одежду прожжешь»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М., 1995. С. 114.

² Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 11.

³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). Л., 1986. С. 215–216.

⁴ Кобищанов Ю. М. Полудье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 236.

⁵ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 35.

⁶ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 230.

⁷ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 24–25.

⁸ Омельченко Н. А. История государственного управления в России. М., 2005. С. 79.

⁹ Еремян В. В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству). М., 2005. С. 449.

¹⁰ Повести Древней Руси. М., 1983. С. 423.